

УДК 348.71(091)(571.54)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.47.55>

Православные общины Бурятии в 1920-е годы: взаимоотношения с властью

И. С. Цыремпилова*

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. На конкретных примерах рассмотрена специфика взаимоотношений православных общин и органов власти на территории Бурятии в 1920-е гг. Выявлено, что региональные геополитические и историко-культурные особенности определили эволюцию этих взаимоотношений от партнерства до противостояния. Это показано на примере основных событий данного периода: государственной регистрации, обновленческого раскола, антирелигиозных практик и др.

Ключевые слова: государственно-церковные взаимоотношения, православные общины, духовенство, региональная власть, Бурят-Монгольская АССР.

Для цитирования: Цыремпилова И. С. Православные общины Бурятии в 1920-е годы: взаимоотношения с властью // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2024. Т. 47. С. 55–64. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.47.55>

Original article

Orthodox Communities of Buryatia During 1920s: Relationships with the State

I. S. Tsyrempilova*

East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. On the concrete examples, the article examines specificity of the relationships between the Orthodox communities and the state on the territory of the Republic of Buryatia in 1920s. The regional geopolitical and historical-cultural peculiarities determined evolution of these relationships: from partnership to confrontation. The article gives examples of the main events of the period, such as state registration, renovation split, anti-religious practices, etc.

Keywords: state-church relationships, Orthodox communities, clergy, regional state, Buryat-Mongolian ASSR.

For citation: Tsyrempilova I.S. Orthodox Communities of Buryatia During 1920s: Relationships with the State. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2024, vol. 47, pp. 55-64. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2024.47.55> (in Russian)

Уровень взаимоотношений, степень противостояния или характер адаптации православных общин, священников, верующих и органов власти в советский период продолжает оставаться еще не до конца изученной темой.

При этом заметной тенденцией современной историографии последних лет стало формирование некоего «стандарта» в изучении рассматриваемой проблематики – анализ государственно-церковных взаимоотношений через призму враждебности и многолетнего конфликта, восстановление церковной истории и осуждение антирелигиозной государственной политики и др. Это в большей мере относится как к церковно-историческим работам, так и научно-популярным публикациям, посвященным реабилитации репрессированных священнослужителей и верующих.

В настоящее время учеными достигнуты положительные результаты в изучении региональных особенностей государственно-конфессиональных взаимоотношений, появились самостоятельные историографические и источниковедческие исследования [1–10]. Однако в работах, рассматривающих проблему либо в физико-географических рамках (Байкальский регион, Прибайкалье, Забайкалье), либо в церковных административно-территориальных границах (Иркутская и Забайкальская епархии), эволюция взаимоотношений органов власти и православных общин на территории созданной национальной республики – Бурят-Монгольской АССР – была рассмотрена крайне сжато и лапидарно.

Особенности геополитического положения Бурятии как трансконтинентального перекрестка Азии и Европы, своеобразие исторического пути, многовековое взаимодействие и взаимовлияние основных вероисповеданий, уникальный симбиоз культур и традиций, сочетание различных типов хозяйственных укладов и другое определяли специфику развития региона. Период сложного периода 1917–1922 гг. как времени политической нестабильности, частой смены власти и режимов, перманентных административно-территориальных изменений естественным образом отразились на положении религиозных институтов. При этом следует отметить, что практическая реализация законодательства, регламентирующего деятельность религиозных институтов, на территории региона начала осуществляться с 1920 г., с образования Бурят-Монгольских автономных областей в составе Дальневосточной республики и РСФСР.

На территории Бурятии самой многочисленной конфессией по количеству верующих и культовых зданий была Русская православная церковь. Согласно официальным сводкам, находящимся на хранении в фонде р. 5263 «Комиссия по вопросам культа» Государственного архива Российской Федерации, статистика о религиозных объединениях была представлена следующими данными. На 1922 г. православных верующих насчитывалось 83 234 чел., что составляло 43 % от общего количества верующих (187 784 чел.), они были объединены в 211 зарегистрированных религиозных организаций (59 % от общего количества объединений – 357). На территории Бурятии функционировало 154 православных культовых зданий, что составляло 51 % от общего количества религиозных сооружений (всего – 299)¹. В церковно-административном подчинении православные приходы относились

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р.-5263. Оп. 1. Д. 130. Л. 53–54, 59–60.

и к Иркутской, и к Забайкальской епархиям. Большая часть приходов входила в состав Верхнеудинского, Джидинского, Мысовского, Троицкосавского благочиний Забайкальской епархии. Благочиние Тункинских миссионерских церквей, православные приходы Кабанского, Боханского, Аларского, Эхирит-Булагатского аймаков относились к Иркутской епархии.

Одним из факторов, приведших к кардинальному изменению взаимоотношений религиозных общин с новой властью, стал процесс по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих центральных районов России. Это способствовало также осуществлению обновленческого раскола в РПЦ как важного элемента разворачивающейся антирелигиозной борьбы.

Начавшиеся в 1922 г. мероприятия вызвали резко отрицательное отношение населения, которое расценивало эти события как поругание церкви, осквернение святынь, оскорбление религиозных чувств. В этом отношении показательны зафиксированные высказывания верующих, которые считали, что все собранные ценности «употребятся для выезда коммунистов за границу»; «высказывалось мнение о сохранении этих ценностей за границей, чтобы впоследствии их можно было выкупить и вернуть в Россию». Крестьяне дер. Ключевой Татауровской волости опасались, что ценности вряд ли дойдут до назначения и «будут обращены на уплату старых царских долгов»; православные верующие г. Кабанска возмущались: «Пусть берут в другом месте, а не у нас!», «Хватит нам петь!», «С богатых мужиков сняли шубы, а теперь добрались до иконных риз!»².

Однако особенности геополитического положения Бурятии, затянувшийся процесс национально-государственного строительства не дали местным властям развернуть ширококомасштабное изъятие церковных ценностей не только из православных церквей, но и из храмов других конфессий. Так, 3 марта 1922 г. на заседании Бурят-Монгольского обкома РКП (б) отдельно рассматривался вопрос об изъятии драгоценностей буддийских монастырей, где было принято решение: «Впредь до утверждения Сиббюро ЦК РКП (б) от проведения в жизнь декрета воздержаться»³.

Фактически добровольная помощь в пользу голодающих осуществлялась в различных формах, одной из которых был сбор денежных средств по подписным листам, также непосредственно в храмах проводился сбор пожертвований. Так, Троицкосавский благочиннический совет установил сдавать однодневный кружечный и тарелочный сборы по городу и селениям в пользу голодающих. Сведения о размерах сборов по Прибайкальской области представляли следующую картину: за период с августа 1921 г. по январь 1923 г. было собрано 4156 руб. 52 коп. товаро-продуктами на сумму 16 437 руб. 13 коп., в том числе от сбора церквей г. Верхнеудинска поступило 83 руб. 55 коп. и 703 руб. 95 коп. товаро-продуктами. Наряду с этим верующие передавали церковное имущество и ценности, которые можно было реализовать [8, с. 90].

² ГАРФ. Ф.Р.-5263. Оп. 1. Д. 130. Л. 103 об., 104.

³ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

Следующим фактором, вызвавшим сопротивление со стороны православных общин, стала обязательная регистрация религиозных объединений. Власть, оформляя таким образом правовые взаимоотношения, фактически вводила регистрацию граждан по религиозной принадлежности. Регистрация религиозных обществ стала проводиться после образования Бурят-Монгольской АССР. Одними из первых прошли государственную регистрацию как «общества, не преследующие целей извлечения прибыли»: 5 июля 1923 г. – религиозное объединение при Спасской церкви г. Верхнеудинска, а 3 августа – общества при Верхнеудинском Одигитриевском кафедральном соборе и при Михайло-Архангельской церкви⁴.

На первых порах были зафиксированы многочисленные факты несоблюдения инструкции по регистрации. В отчетах органов власти назывались причины подобной ситуации: со стороны органов управления – «спешность работы и отсутствие на местах руководящих материалов», «на местах плохо усвоена формальная сторона дела», со стороны самих общин – «незнание представителями этих общин основных формальных требований... вследствие неправильно составляются Уставы общин, списки учредителей», «просители чрезвычайно задерживают представление в адм.отдел нужных сведений – иногда по несколько месяцев, но иногда даже более года»; несмотря на то что были разосланы необходимые циркуляры с разъяснениями, какие документы должны предоставляться, в какой форме и т. д.⁵ Это приводило к необходимости проведения перерегистрации религиозных обществ.

Исходя из сведений за 1923–1925 гг., административным управлением СНК БМАССР ежегодно регистрировалось менее половины всех общин, подавших ходатайства⁶. Регистрация стала носить перманентно-затяжной характер. Среди православных общин положение дел в этом вопросе усугублялось начавшимся обновленческим расколом. В этом отношении показательна процедура регистрации общества при Верхнеудинской Спасской церкви, которая демонстрирует развернувшееся на 10 лет противостояние между обновленцами и староцерковцами за церковное здание. Бюрократическая тяжба, непрекращающиеся жалобы и ходатайства обеих групп, взаимные упреки и вознившая неразбериха зафиксированы в сохранившихся архивных документах.

Аналогичная ситуация сложилась вокруг Верхнеудинской Троицкой церкви, где обновленцы на протяжении нескольких лет, «пользуясь содействием Горсовета вопреки законодательству об отделении церкви от государства» пытались «войти в пользование староцерковным храмом». Это стало причиной направления в 1934 г. письма на имя Председателя СНК СССР В. М. Молотова от группы староцерковцев с просьбой «прекратить произвол обновленцев и содействие им местных властей»⁷. Спор за Михайло-Архангельскую церковь (с. Заудинское) был решен за более короткий срок.

⁴ ГАРБ. Ф.Р.-475. Оп. 2. Д. 2. Л. 20.

⁵ Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика : очерки и отчеты. 1924–1925. Верхнеудинск, 1926. С. 272.

⁶ Бурят-Монгольская Автономная Социалистическая Советская Республика : очерки и отчеты. 1923–1924. Верхнеудинск, 1925. С. 339.

⁷ ГАРБ. Ф. 365. Оп. 1. Д. 133. Л. 2–5.

Так, 5 апреля 1925 г. верующие подали жалобу в ЦИК БМАССР на «незаконное отобрание» у них молитвенного здания и передачу его обновленцам. ЦИК, изучив формальные признаки (первичность регистрации религиозного общества и т. д.), предложил административному отделу пересмотреть этот вопрос, отметив, что «храм может быть передан староцерковцам без особого ущерба для удовлетворения религиозных нужд живоцерковцев». В 1927 г. постановлением Президиума БМАССР храм был передан в пользование общине верующих «староцерковцев»⁸.

Одной из отличительных особенностей рассматриваемых событий следует считать создание самостоятельной обновленческой епархии в Бурят-Монгольской АССР под руководством Гавриила Асташевского (1923–1928 гг.). Он на II Поместном (обновленческом) соборе был рукоположен в «епископа» Верхнеудинского и возведен в сан «архиепископа», создал епархиальный церковный совет и с первых дней «начал бороться с оппозицией, применяя к ней канонические прещения» [6, с. 307].

Открытая поддержка обновленцев со стороны органов власти вызывала соответствующую критику с противоположной стороны. «Архиепископ» Верхнеудинский Гавриил отмечал, что тихоновцы мнят «меня ставленником Советского правительства, ставленником «красных», «коммунистов» и что будто бы по моему «приказанию» в 1923 г. и после арестовывались тихоновские священники». Этим он объяснял, что «в начале обновленческого движения в городе и долгое потом время до того злоба кипела в народе, что сбросить с моста в реку меня хотели, всадить нож в бок. Говорили, что «в лесу ему давно могила готова», «поленьями били окна квартиры» [7, с. 179]. Антиобновленческая пропаганда доходила до того, «что у обновленцев будто бы не поется Символ веры, иконостасов нет, престол на середине и прочие безумные глаголы и нелепости»⁹. Асташевский в свою очередь в записке о Вознесенской церкви от 19 ноября 1926 г. называл ее прихожан «контрреволюционной Заудой», для которых обновленческая церковь есть «церковь коммунистическая, красная», «стала предметом выявления злобы и клеветы, непристойных действий со стороны тихоновщины, не выносящей обновленчества за признание ею Соввласти»¹⁰.

К середине 1920-х гг. состояние обновленческой епархии, особенно материальное положение, оценивалось «как совершенно безвыходное», что было обусловлено отсутствием поддержки как со стороны епархиальных управлений, так и со стороны самих общин. В докладе Гавриила Асташевского указывалось, что по епархии «религиозная спячка, летаргия, паралич, расслабленность... спят пастыри, усыпив предварительно и своих пасомых»¹¹. К концу 1920-х гг. обновленчество стало изживать себя, не найдя широкой поддержки среди верующих, у которых сформировалось индифферентное отношение к расколу.

⁸ ГАРБ. Ф.Р.-248. Оп. 1. Д. 126. Л. 46.

⁹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 485. Оп. 2. Д. 114. Л. 51, 53.

¹⁰ ГАРБ. Ф.Р.-248. Оп. 3. Д. 226. Л. 16–28.

¹¹ ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 114. Л. 49.

Одним из стратегических направлений государственной политики являлась борьба на идеологическом фронте, включающая антирелигиозную агитацию и пропаганду. Складывалась совершенно новая ситуация в государственно-церковных взаимоотношениях. Если в предыдущие периоды государство опиралось на религиозные институты и использовало их в легитимизации своей власти, то теперь политика была направлена исключительно на борьбу с церковью как с контрреволюционной силой. Подтверждение изменившихся установок можно увидеть в докладе протоиерея Забайкальской епархии Иннокентия Томила «О взаимоотношениях между церковью и государством на основе Декрета советской власти об отделении друга от друга», прозвучавшем на пастырском совещании по подготовке ко II Священному Поместному Собору в г. Чита 2 марта 1928 г. Так, констатировалось «печальное до трагизма обстоятельство, затрудняющее нормальную жизнь и деятельность православной церкви в новом ее положении... дело в том, что в это свое положение церковь вошла как долженствующая искупить свой грех тесной связи с прежним государственным устройством и властью – царизмом и грех служения им. Революция смела прежнее государственное устройство и все, что с ним связано, смела с чувством гнева и ненависти. Православная церковь осталась. Могла ли она внушать доверие? Нет. На нее посмотрели как на пережиток старого, как на гнездо и убежище контрреволюционно настроенных людей. Отсюда постоянное подозрение и соответствующее этому внимание и отношение со стороны государства к православной церкви. На этой почве и распри все, все затруднения для нормальной жизни и деятельности нашей церкви, все расколы и настроения»¹².

На протяжении рассматриваемого периода менялись подходы и методы проведения антирелигиозной агитации. Открытое противостояние, осуждение религиозных обрядов, критика и нападки на духовенства и верующих, имевшие место быть в первые годы советской власти, были заменены на организацию системной антирелигиозной пропаганды. При этом власть осознавала, что невозможно освободить сознание трудящихся от религиозных убеждений и традиций одномоментно. Ключевой задачей стало формирование новой советской идеологии, нового человека и новой культуры, обеспечивающей политическую стабильность власти.

Бурят-Монгольский обком РКП(б) в 1923 г., определяя основные задачи антирелигиозной пропаганды, акцентировал внимание на том, что «закрытие церквей, подрезание крестов, дебоширство в церкви, издевательство над попом – ничего не доказывает, а рассматривается как глумление и гонение, закрепляет фанатизм.... превращается из положительного в отрицательное качество.... как и на войне не всегда прямой удар выгоден, а часто бывает, выгоден обход» [8, с. 128]. В «Тезисах о методах и формах антирелигиозной пропаганды по Верхнеудинскому уезду» (1926 г.) подчеркивалось: «От кустарщины, от кампанейских наскоков, от распыления сил в антирелигиозной пропаганде нужно отказаться, нужно окончательно перейти к длительной

¹² Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р.-422. Оп. 1. Д. 31. Л. 21.

систематической и углубленной пропаганде... Основной подход к антирелигиозной пропаганде – спокойная деловая учеба, учет обстановки»¹³.

Особая забота в постановке антирелигиозной работы отводилась деревне, где патриархальное неграмотное население с устоявшимся религиозным мировоззрением не воспринимало какие-либо нововведения. Это касалось как хозяйственной сферы, так и любых социокультурных новшеств: от регистрации семейно-брачных отношений, получения образования до участия в выборах. Например, православное духовенство в Хоринском аймаке отказывалось признавать регистрацию актов гражданского состояния и продолжало «совершать требы до регистрации актов»¹⁴. Сводка № 11 информационно-агентурного отделения секретной оперативной части Забгуботдела ОГПУ зафиксировала инцидент о сопротивлении духовенства Татауровской волости. Изначально на съезде было принято решение о снятии с церкви колоколов «для восстановления телефонной связи волости с центром». В ответ на это решение «попы, подогрев массу, ворвались в сельский совет с требованием не выполнять постановления»¹⁵.

Распространенными были случаи призывов духовенства не принимать участия в выборах в местные советы, мотивируя, что «там будут ставить антихристовы печати». В с. Посольском крестьяне совместно со священником Кудриным проводили агитацию перед выборами «за тех людей, которые бы имели определенный имущественный ценз»; в с. Бархатово верующие и священник Логинов «агитировали за своих кандидатов из церковного комитета»¹⁶. «Священник с. Хара-Шибирь Левин ведет определенную линию натравливания населения не только на учителя, но и против нашей советской власти вообще... вмешивается своими действиями в дела школы... занимается обработкой детей, проводя контрреволюционную агитацию среди таких, запугивает детишек, что скоро будет всемирный потоп и все погибнут, кто из детей запишется в пионеры, того возьмет черт»¹⁷.

Эти случаи, не носящие массового характера, свидетельствуют о естественной и протестной реакции православных общин на проводимые советской властью мероприятия.

Формы антирелигиозной агитации претерпевали изменения, обусловленные реальным положением вещей и с учетом «быта и культурного развития масс каждой отдельной народности». Особое внимание в сельской местности стало уделяться агрономической пропаганде и улучшению способов ведения сельского хозяйства, в том числе «обработки полей, разведению новых сельскохозяйственных культур, применения машин, многополья и т. д.». Медицинские работники, врачи и фельдшера вносили свой вклад в борьбу на антирелигиозном фронте, ведь «вера в чертей, леших, домовых, оборотней, колдовства, наговоры и т. п. составляют своего рода разновидность религии

¹³ ГАРБ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 949. Л. 61.

¹⁴ Бурят-Монгольская автономная область Д. В. Чита, 1923. С. 39–40.

¹⁵ ГАЗК. Ф. Р.-110. Оп. 1. Д. 240. Л. 27.

¹⁶ Центр документации новейшей истории – филиал Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ – филиал ГАИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 140 об.

¹⁷ ГАРБ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 955. Л. 159.

и наносят колоссальный вред хозяйству»¹⁸, с которыми должна бороться медицина. К новым видам художественной пропаганды были отнесены научные суды, живые газеты, коллективные декламации, театральные постановки, инсценировки, иллюстрированная пропаганда и др. Вместо религиозных праздников и обрядов формировалась советская праздничная культура.

В 1920-е гг. на территории Бурятии взаимоотношения одной из самых многочисленных религиозных групп – православных общин с властью – развивались в контексте общегосударственной политики. Однако, как показывает исторический опыт 1920-х гг., характер этих взаимоотношений зависел от региональных особенностей. Именно многоконфессиональность населения, специфика трансграничного положения, особенности национально-государственного строительства в Бурят-Монгольской АССР «сдерживали» до определенных пор накал противостояния.

Церковь, отделенная от государства, лишилась юридических прав, собственности и материальной поддержки. Эти радикальные меры, противоположные прежнему господствующему положению Русской православной церкви, не были поняты и восприняты населением. А последовавшие антирелигиозные кампании, использование государством внутренних противоречий для инициирования и проведения обновленческого раскола, административное давление и весь комплекс социокультурных преобразований вызвали протестную реакцию со стороны православного общества. Несмотря на активизацию и широту антирелигиозной борьбы, развернувшиеся экономические и социальные эксперименты 1930-х гг. – коллективизация, индустриализация, культурная революция – большая часть населения продолжала оставаться верующими, сохраняя веру и религиозные традиции.

Список литературы

1. *Дроботушенко Е. В.* Материалы к истории обновленческого раскола на территории Иркутской области в середине 1920-х гг. // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований : материалы второй Всерос. науч. конф., посвящ. памяти известного ученого, педагога, просветителя и общественного деятеля, д-ра ист. наук, проф. А. В. Старцева (1956–2019). Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД РФ, 2022. С. 114–117.
2. *Дроботушенко Е. В.* Проблемы историографии Русской Православной церкви в Восточном Забайкалье (XX – начало XXI в.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. С. 145–149.
3. *Дугаров В. Д.* Эволюция православоведения в современной восточносибирской историографии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3–4. С. 180–185.
4. *Косых В. И.* Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита : ЗабГПУ, 2007. 204 с.
5. *Косых В. И.* Использование имущества упраздненных церквей в Забайкальской епархии (1921–1922 годы) // Православие и общество: грани взаимодействия : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.: регион. этап XXIX Междунар. Рождеств. образоват. чт. Чита, 11 декабря 2020 г. Чита : Забайк. гос. ун-т, 2020. С. 144–146.
6. *Кульпинов С. С.* Предпосылки, возникновение, развитие и ликвидация обновленческого раскола в Западной и Восточной Сибири в 1920-х – начале 1940-х гг. (на материалах Новосибирской, Томской, Иркутской и Читинской епархий) : дис. ... д-ра церков. истории. М., 2023. 653 с.

¹⁸ ГАРБ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 949. ЛЛ. 62-63.

7. *Цыремпилова И. С.* Бурят-монгольская епархия в 1920–1930-х гг.: опыт регионально-го обновленчества // *Власть*. 2013. № 5. С. 177–180.

8. *Цыремпилова И. С.* Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2008. 300 с.

9. *Цыремпилова И. С.* Государственно-конфессиональные взаимоотношения в советский период (на материалах Иркутской и Забайкальской епархий): основные тенденции современной региональной историографии // *Известия Иркутского государственного университета. Серия История*. 2021. Т. 37. С. 88–96.

10. *Шекшеев А. П.* Государственно-церковные отношения в российской провинции (1917–1920-е гг.): историографический аспект // *Касьяновский дом: музейно-просветительский центр духовной культуры Красноярского края: сайт*. URL: http://kasdom.ru/r_obrazovanie/stati/5027/

References

1. Drobotushenko E.V. Materialy k istorii obnovlencheskogo raskola na territorii Irkutskoj oblasti v seredine 1920-x gg. [Materials to history of the renovation split on the territory of Irkutsk region in the middle of 1920s]. *Sibir v fokuse istoricheskikh, vostokovednykh i pravovykh issledovaniy* [Siberia in the focus of historical, oriental and law studies]. Materials of the second All-Russian Scientific Conference, dedicated to in memory of the famous scientist, teacher, educator and public figure, Doctor of Historical Sciences, prof. A.V. Startsev (1956-2019). Barnaul, Barnaul yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennikh del Rossijskoj Federacii, 2022, pp. 114-117. (in Russian)

2. Drobotushenko E.V. Problemy istoriografii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Vostochnom Zabaikal'e (XX – nachalo XXI v.) [The problems of historiography of Russian Orthodox church in the Eastern Transbaikal region (20th – beg. of 21 century)]. *Gosudarstvo, obshechestvo, tserkov' v istorii Rossii XX-XXI vekov* [State, society, church in the history of Russia 20th – 21 centuries], Ivanovo, 2016, pp. 145-149. (in Russian)

3. Dugarov V.D. Evolyutsiya pravoslavovedeniya v sovremennoi vostochno-sibirskoi istoriografii [Evolution of the study of Russian Orthodox church in modern East-Siberian historiography]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 2011, no. 3-4, pp. 180-185. (in Russian)

4. Kosykh V.I. *Zabaikalskaya eparkhiya 1908-1923* [Transbaikal diocese 1908-1923]. Chita, 2007, 204 p. (in Russian)

5. Kosykh V.I. Ispolzovanie imushhestva uprazdnyonnykh cerkvej v Zabajkal'skoj eparkhii (1921-1922 gody) [The usage of property of extinct churches in Transbaikal diocese]. *Pravoslaviye i obshchestvo: grani vzaimodejstviya* [Orthodox Christianity and society: the borders of interaction]. Materials 4th International Scientific and Practical conference: Region. Stage XXIX International Christmas. educated. readings. Chita, 11 dekabrya 2020 goda. Chita, Zabajkalskij gosudarstvennyj univ. Publ., 2020. pp. 144-146.

6. Kulpinov S.S. *Predposylki, vzniknovenie, razvitie i likvidacija obnovlencheskogo raskola v Zapadnoj i Vostochnoj Sibiri v 1920-kh – nachale 1940-kh gg. (na materialakh Novosibirskoj, Tomskoj, Irkutskoj i Chitinskoj eparkhij)*. [Prerequisites, origin, development and abolition of the renovation split in Western and Eastern Siberia in 1920s – the beg. of 1940s (based on the materials of Novosibirsk, Tomsk, Irkutsk and Chita dioceses)]. Diss. Sci. Moscow, 2023, 653 p. (in Russian)

7. Tsyrempilova I.S. Buryat-Mongolskaya eparkhiya v 1920-1930-kh gg.: opyt regionalnogo obnovlenchestva [Buryat-Mongolian diocese in the 1920-1930s.: experience of regional renewal]. *Vlast* [Power], 2013, no. 5, pp. 177-180. (in Russian)

8. Tsyrempilova I.S. *Russkaya pravoslavnyaya tserkov i gosudarstvo: istoriya vzaimootnoshenij v 1917-1930-e gg. (na materialakh Baikalskogo regiona)* [The Russian Orthodox Church and the state: the history of relations in the 1917s-1930s (based on the materials of the Baikal region)]. Улан-Уде, 2008, 300 p. (in Russian)

9. Tsyrempilova I.S. Gosudarstvenno-konfessionalnye vzaimootnosheniya v sovetskij period (na materialakh Irkutskoj i Zabajkalskoj eparkhij): osnovnye tendencii sovremennoj regionalnoj istoriografii [State-church relationships in the Soviet period (based on the materials of Irkutsk and

Transbaikal dioceses]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija* [The Bulletin of Irkutsk State university. Series History], 2021, vol. 37, pp. 88-96. (in Russian)

10. Sheksheev A.P. *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossiiskoi provintsii (1917-1920-e gg): istoriograficheskii aspekt* [State-church relations in Russian province (1917-1920s): historiographic aspect]. Available at: http://kasdom.ru/r_obrazovanie/stati/5027/ (in Russian)

Сведения об авторе

Цыремпилова Ирина Семеновна
*доктор исторических наук, доцент,
проректор по научной работе
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры
Россия, 670031, г. Улан-Удэ,
ул. Терешковой, 1
e-mail: irina161073@mail.ru*

Information about the author

Tsyrempilova Irina Semenovna
*Doctor of Sciences (History), Associate
Professor, Vice-rector of Research
East Siberian State Institute of Culture
1, Tereshkovoï st., Ulan-Ude, 670031,
Russian Federation
e-mail: irina161073@mail.ru*

Статья поступила в редакцию **20.12.2023**; одобрена после рецензирования **15.01.2024**; принята к публикации **25.01.2024**
The article was submitted **December, 20, 2023**; approved after reviewing **January, 15, 2024**; accepted for publication **January, 25, 2024**